

СУВЕРЕНИТЕТ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА

Павел Лычковский

При определении круга субъектов международного права и объема их правосубъектности ключевой является концепция суверенитета. На современном этапе развития международного права правовая доктрина трактует суверенитет как неотъемлемое свойство национальных государств. Зачастую из этого делается общий вывод о том, что только национальные государства являются полноправными субъектами международного права.

История Святого Престола, верховного органа Римско-католической церкви (РКЦ) и суверенного субъекта международного права, свидетельствует об обратном.

Вместе с тем, в белорусской правовой науке проблема международной правосубъектности Святого Престола и вопрос о происхождении его суверенитета не исследовались. В российской доктрине международного права работа С. В. Дьяченко посвящена общей характеристике международной правосубъектности Святого Престола [1]. В западной школе права, в свою очередь, проблематике правосубъектности Святого Престола уделяется значительное внимание. Данному вопросу посвящены статьи Р. Аройо [7; 8], Н. Диаса [11], Дж. Кунца [13] и др. Исследование К. Мартенса [15] сопровождается экскурсом в историю становления Святого Престола в качестве международного актора; правовой статус Святого Престола и современное значение конкордатов являются центральными темами работы М. Рагацци [17].

Цель данной статьи: на основе изучения международных соглашений, свода канонического права Римско-католической церкви, документов Святого Престола, западной правовой доктрины определить природу суверенитета Святого Престола, выявить специфику и объем его правосубъектности.

Природа суверенитета Святого Престола

Суверенитет — часто используемый как синоним независимости — в общественном сознании ассоциируется с государством, в связи с чем, по общему представлению, считается присущим исключительно государству или, по крайней мере, всегда подразумевает контекст государственности. Однако история Святого Престола свидетельствует, что это не так.

Ключевым в концепции суверенитета является вопрос о его источнике, т. е. той идее, которая объясняет — и оправдывает — закрепление верховной власти за тем или иным субъектом общественных отношений. По сути различные ответы на вопрос об источнике суверенитета определяли ход развития мировой истории. Сегодня, например, в эпоху доминирования демократического начала в философии и теории права, источником суверенитета государства является народ. Однако данный постулат стал общепризнанным относительно недавно — его концептуальное формирование произошло после окончания Первой мировой войны.

До этого на протяжении нескольких веков источником суверенитета считалась наследственная абсолютная власть, носителем которой — монархи-суверены — стояли во главе суверенных государств.

Однако в раннем средневековье вплоть до наступления Нового времени единственным источником суверенитета являлась Божья воля. В христианском мире, в колыбели международного права, на заре его становления суверенитет являлся теологической концепцией: по своему происхождению он мог быть только духовным.

«Вся власть — от Бога» — на протяжении столетий это утверждение было аксиомой: вся, не только правовая, история Европы со времен расцвета христианства основана на ней. В этом отношении и международное право зарождалось и развивалось как философское начало, сначала толкующее теологическую концепцию суверенитета, затем, с образованием и усилением Священной Римской империи, пересматривающее и критикующее ее и, в конце концов, отвергнувшее ее как единственно верную.

Процесс последовательного признания одного субъекта в качестве носителя суверенитета и отказа другому в качестве такового проходит «красной нитью» через всю историю права — от Миланского эдикта 313 г. и признания в IV в. христианства в качестве официальной религии Римской империи до Вестфальского мира 1648 г. и двух мировых войн.

То обстоятельство, что в парадигме международного публичного права понятие суверенитета изначально формировалось в контексте религии, в практическом плане для мира, сформир-

Автор:

Лычковский Павел Юрьевич — ведущий специалист Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь

Рецензенты:

Старовойтов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, заместитель директора по учебной работе Юридического колледжа Белорусского государственного университета

Барковский Игорь Александрович — кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела референтного обеспечения деятельности Председателя Исполнительного комитета — исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств

ровавшегося на принципах и понятиях христианской веры, означало, что, во-первых, суверенитет как таковой и, во-вторых, исключительное право наделять и лишать субъектов суверенной властью первоначально принадлежали организационному воплощению христианской религии — церкви, в историческом контексте — Римско-католической церкви.

С точки зрения институционального развития общества, процесс становления международного права можно, таким образом, интерпретировать как историю становления и доминирования Костела как носителя суверенитета с последующей постепенной утратой своего верховенства.

Сначала РКЦ уступила свои доминирующие позиции в пользу территориальных властей. Произошло это тогда, когда в сознании значительной части населения Европы укрепились идея о том, что носителем суверенитета может быть не только Костел, но и отдельные территориальные образования. Логическим развитием этой идеи стало допущение того, что источником суверенитета, как в дохристианские времена, может служить сама земля.

Во все времена земля обличала ее собственников властью, предоставляла им статус, поэтому не удивительно, что именно на идеях землевладения, право на которое по-прежнему обосновывалось теологически, но представлялось уже без посредничества Костела, сформировалась альтернатива духовному суверенитету — концепция территориального суверенитета. В процессе распространения власти за пределы индивидуальных землевладений и постепенная ее концентрация в руках подавляющего меньшинства собственно и происходило зарождение и становление современного государства как особой модели общественного устройства.

Каждое новое «прочтение» концепции территориального суверенитета всякий раз приводило к установлению нового миропорядка в Европе и подвластной ей части света. В XVII в. данная концепция стала основой того, что сегодня называется вестфальской политической системой, и ознаменовала наступление эпохи абсолютистских монархий, когда носителем территориального суверенитета был признан единоличный правитель страны. Позднее, в XVIII в., в результате Великой французской революции и последовавших за ней многочисленных войн, продолжавшихся вплоть до XX в., источником территориального суверенитета был признан народ-нация — государство, помимо суверенного стало национальным.

Именно так — от Божьей власти через королей-«помазанников Божьих» к монархам суверенных государств и, наконец, к суверенитету народа и национальному государству — эволюционировали представления о суверенитете. Соответствующим образом изменялось и смысловое наполнение это-

го впоследствии базового элемента международного публичного права: от суверенитета духовно-теологического до суверенитета государственно-территориального.

Итак, идея суверенитета существовала задолго до появления современного государства и, следовательно, — и это принципиально важно — суверенитет не является свойством, присущим исключительно государству.

Суверенитет как неотъемлемое свойство субъекта быть полностью самостоятельным, с одной стороны, и признание этого свойства другими субъектами — с другой, — понятие более общее и концептуально более базовое, чем государство или независимость. Последние являются лишь конкретным воплощением суверенитета (государство) и его следствием (независимость). Понятие суверенитета первично по отношению к государству — оно древнее его: государство, точнее, национальное государство, лишь самая последняя в ряду манифестаций суверенитета.

Вместе с тем, РКЦ, утратив статус исключительного носителя суверенитета, сама этого суверенитета не лишилась. Суверенитет Святого Престола — духовный по своей сути: у него, в отличие от территориального суверенитета государств, нет материальной основы (земли, монарха, народа и т. п.), его источником является идея в чистом виде, христианское учение. Поскольку идею невозможно уничтожить — ей можно только противопоставить другую идею, — вполне можно утверждать, что объективно духовный суверенитет неисчерпаем, т. е. практически вечен. Следовательно, Святой Престол — единственный суверенный субъект в международном праве, который в принципе не может утратить суверенитет.

Территориальный суверенитет Святому Престолу также не чужд, свидетельством тому — история Папской области. Однако территориальный суверенитет Святого Престола отличается от территориального суверенитета государств. В то время как в государстве земля наделяет ее обитателей суверенитетом, территориальные владения Святого Престола, наоборот, воспринимают суверенитет от последнего.

Таким образом, суверенитет в зависимости от источника может быть духовным и территориальным. Территориальный суверенитет присущ всем современным национальным государствам. В то же время Святой Престол — и в этом заключается его уникальность как субъекта международного права — является единственным носителем духовного суверенитета. Однако, как свидетельствует история Святого Престола, духовный суверенитет может быть реализован в материальной форме — путем создания территориального образования, имеющего свойства государства, т. е. духовный суверенитет может стать территориальным. Отметим, что трансформация территориального суверенитета в духовный, как нам представляется, невозможна.

Святой Престол как субъект международного права

В обиходе термин «Святой Престол» используется повсеместно и часто без учета нюансов. Однако для уяснения всех юридическо-правовых аспектов природы и структуры субъекта, который данный термин обозначает, следует различать три основных его значения.

Как общее понятие Святой Престол (также Апостольский Престол) — это верховный орган РКЦ, ее транснациональный руководящий центр [20, р. 480]. Как таковой он является носителем духовного суверенитета. Святой Престол — это концептуальное выражение суверенитета РКЦ.

В прикладном «узком» смысле Святой Престол подразумевает персону Папы Римского, стоящую на вершине церковной иерархии. В данном контексте Святой Престол — это политический центр РКЦ, олицетворением которой является ее глава — Верховный Понтифик.

В прикладном широком смысле Святой Престол объединяет фигуру Папы Римского и Римскую курию — главный управляющий орган Костела, ее «правительство». В данном контексте Святой Престол является институциональным выражением суверенитета РКЦ.

Часто в понятие Святого Престола вкладываются все три значения — как общей концепции, персонификации и организационной структуры. Такое широкое определение понятия предусмотрено и каноническим правом РКЦ. В соответствии с Каноном 361 Кодекса канонического права 1983 г. (далее — ККП):

Под выражением «Апостольский Престол», или «Святой Престол», в настоящем Кодексе подразумевается не только Римский Понтифик, но также и Государственный секретариат [...] и другие учреждения Римской курии [...]» [2, с. 169].

Однако нужно помнить, что между этими значениями существуют различия. Святой Престол — прежде всего, абстрактное понятие, существующее безотносительно к конкретным персоналиям и организационным структурам, — это и высшая духовная власть Костела, и одновременно сам Костел. Для уяснения взаимосвязи Святого Престола и личности Папы Римского можно, вслед за Дж. Кунцем, воспользоваться исторической аналогией и сказать, что фигура Папы Римского соотносится со Святым Престолом, как фигура британского монарха соотносится с концепцией британской Короны: первая является конкретным воплощением второй [13, р. 310].

В то же время понимание Святого Престола как центральной административной организации РКЦ, ее бюрократического аппарата, позволяет понять, каким образом становится возможным, например, подписание от имени Святого Престола международного договора Государственным секретарем Святого Престола, руководящим работой Римской курии.

Поскольку суверенитет Святого Престола имеет духовное происхождение, природа право-субъектности Святого Престола, в том числе ее международный характер, также имеет теологическое толкование.

Так, согласно Канону 113 ККП «Католическая Церковь и Апостольский Престол имеют значение морального лица в силу самого Божественного установления» [2, с. 78].

При этом Римские Понтифики всегда утверждали, что их суверенитет, точнее — суверенитет, который они представляют, проистекает из традиционного и вселенского характера Костела [16, р. 543–544], свойственного ему в силу его особой, духовной, миссии.

В энциклике папы Пия XI *Ubi Arcano Dei Consilio* («С того самого момента») от 23 декабря 1922 г. по этому поводу отмечено:

[...] [Господь] сделал [Рим] престолом суверенитета, который, поскольку он выходит за пределы наций и государств, объемлет все народы целого мира. Само происхождение и божественная природа этого суверенитета требуют [...], чтобы этот священный суверенитет не был, и не казался, подвластным какой бы то ни было людской власти или закону [...]» [15, р. 738].

Вместе с тем, в основе обоснования суверенитета Святого Престола, а также организации РКЦ в целом, помимо религиозного учения заложено философское и даже квазиправовое начало.

Юридическим объяснением суверенитета Святого Престола служит концепция *societas iuridice perfecta*, согласно которой Костел является «юридически идеальным обществом» [11, р. 109]. Концепция, основанная на идеях Аристотеля, представлявшего город-государство, или полис, идеальной формой организации общества-коммуны, была в общих чертах сформулирована Фомой Аквинским [9, р. 182].

В соответствии с данной концепцией Костел представляет собой организацию, способную самостоятельно обеспечивать себя и имеющую для этого все необходимые средства и ресурсы, — идеальное общество. В этом качестве Костел является самодостаточным автономным организмом. С точки зрения международного публичного права, это означает, что Святому Престолу не требуется какая-либо дополнительная организация, например в форме государства, для осуществления своей духовной миссии.

Интересно, что впоследствии концепция пользовалась популярностью среди протестантских теоретиков естественного права XVI–XVII вв., использовавших ее в своей идеологической борьбе с тем же Костелом и монархами-католиками. Еще позднее уже сам Святой Престол, отстаивая свою независимость от *imperium* суверенных монархов и внешнего политического влияния в целом, воспринял эту идею и применил ее к политическому миро-

порядку, являясь на сегодняшний день ее главным сторонником на международной арене [16, р. 543–544; 17, р. 116].

На практике это выражается не только в активной пасторской деятельности РКЦ, отстаивании своего суверенитета в отношениях с внешним миром, но и в демонстративном дистанцировании Святого Престола от любых политических течений и союзов. Святой Престол целенаправленно избегает ассоциирования с политическим истеблишментом и межгосударственной политикой в целом.

Святой Престол придерживается строгого политического нейтралитета, нарушение которого может быть оправдано лишь моральным детерминизмом борьбы добра и зла [13, р. 313]. Такая позиция Святого Престола стала для него принципиальной после аннексии в 1870 г. Папской области новым Итальянским королевством, когда на фоне утраты собственного государства, светского воплощения своего духовного суверенитета, руководящая структура РКЦ была вынуждена переосмыслить свое место в мире. В результате Святой Престол, сконцентрировав все внимание на своей духовной миссии, окончательно самоутвердился как уникальный субъект международных отношений и международного права — носитель духовного суверенитета, существование которого не обусловлено обязательным наличием государственного оформления. Как отмечает Дж. Курт, коллапс светской власти Святого Престола обернулся экспансией его духовного авторитета [14].

Святой Престол всячески подчеркивает свой негосударственный статус, в том числе и с трибуны ООН. В 1979 г. папа Иоанн Павел II, обращаясь к Генеральной Ассамблее, отметил, что в силу природы и целей духовной миссии Святого Престола и Церкви их участие в деятельности ООН существенно отличается от формата участия национальных государств, являющихся политическими светскими образованиями. Верховный Понтифик отметил, что, в отличие от государств, привязанных к территории и населению, Святой Престол представляет РКЦ [5, р. 1870]. В 1995 г. Папа Римский, выступая в ООН, вновь подчеркнул «исключительно духовную» миссию Святого Престола в мире [5, р. 1843].

Вместе с тем, Святой Престол осознанно и целенаправленно выступает против любых действий, прямо или косвенно ограничивающих или ставящих под сомнение его суверенитет.

В XIX в. это проявилось, в частности, в отказе Папы Римского признать правомочность итальянского Закона о гарантиях 1871 г., который признавал особый статус Верховного Понтифика и предоставлял Святому Престолу определенные гарантии, необходимые для осуществления им своей миссии, однако имплицитно отрицал его суверенитет, поскольку подразумевал необходимость посторонней поддержки существования Святого Престола.

В XXI в. Святой Престол продолжает активно отстаивать свой суверенитет. Так, например, в связи с расследованием дел по обвинению в педофилии против католических священников в Ирландии Святой Престол выразил недовольство действиями ирландского правительства, которое, по его мнению, не смогло в достаточной степени защитить его интересы в соответствии с его суверенным статусом [22].

Специфика правосубъектности Святого Престола

Возможно, проблема правового статуса Святого Престола никогда не возникла бы, если бы он сохранил до сегодняшнего дня внешние атрибуты государственности, знакомые современному обществу. До 1870 г. Святой Престол им владел, являясь сувереном в лице Папы Римского так называемой Папской области — нескольких разрозненных территорий в пределах современной центральной Италии со своим населением, администрацией, законодательством.

На протяжении столетий Папа Римский воспринимался не только как глава Костела, но и как территориальный правитель. Это считалось вполне естественным, принимая во внимание роль христианства в истории западной цивилизации.

Сохранись Папская область до настоящего времени, международно-правовой статус Святого Престола в лице Папы Римского, вероятно, не вызывал бы сомнений — он бы считался таким же главой государства, как и любой другой государственный лидер.

До 1870 г. Папская область и Святой Престол представляли собой два отличных субъекта международного права, объединенных персональной унией в лице Папы Римского. Из двух субъектов Святой Престол всегда играл ведущую роль, что признавали и другие государства, поддерживая именно со Святым Престолом дипломатические отношения [13, р. 311].

Когда в 1870 г. Италия аннексировала Папскую область, естественно, возникла дискуссия по поводу статуса Святого Престола — он перестал владеть какой-либо территорией и населением и потому утратил территориальный суверенитет [23, р. 601].

Суть «римского вопроса» сводилась к решению политической проблемы: каким образом Святой Престол должен быть представлен в международной правовой и политической системе? Однако в концептуальном отношении вопрос стоял несколько иначе: каким образом Святой Престол может быть представлен в международной правовой и политической системе? Ответ на последний вопрос должна была найти правовая наука.

Мало кто в академических кругах ставил под сомнение, что с ликвидацией Папской области Святой Престол более не может считаться государством. Это казалось очевидным. Однако клю-

чевым моментом были выводы, которые из этого очевидного обстоятельства делали правоведы. В частности, широкое распространение получила версия о том, что с утратой статуса государства Святой Престол потерял или, по крайней мере, существенно снизил свой статус в качестве субъекта международного права.

Вместе с тем, дальнейшая политическая история и международная практика свидетельствуют об обратном: Святой Престол всегда оставался полноправным (суверенным) субъектом международного права и другие субъекты международного права, прежде всего — государства, не переставали считать его таковым.

Благодаря своему политическому нейтралитету, Святой Престол в лице Папы Римского пользуется в мире значительным авторитетом, прежде всего, как международный посредник. Отметим, что даже в период «безгосударственности» Святой Престол выступал медиатором в различных межгосударственных спорах: например между Германией и Испанией за Каролинские острова в 1885—1886 гг.; в пограничном конфликте между Гаити и Санто-Доминго в 1895 г. [8, р. 303; 13, р. 312]. Во время Первой мировой войны нейтралитет флага Святого Престола соблюдался всеми сторонами. После войны новые государства искали его признания, и Святой Престол, в частности, признал Польшу и Эстонию [13, р. 312].

Международная правосубъектность Святого Престола схожа с правосубъектностью государств, но не идентична ей. Как единственный сохранившийся рудимент довестфальской системы Святой Престол обладает всеми базовыми, самыми древними, правами суверенного международного актора, которые сегодня считаются классическими атрибутами государственного суверенитета. Однако в случае со Святым Престолом эти права, эволюционировавшие по отличному от общей исторической тенденции пути, имеют свою уникальную специфику, проявляющуюся в практике их применения.

Наличие у Святого Престола исторически признанного суверенитета дает ему как полноправному субъекту международного права и международных отношений право подписывать на равной основе с государствами международные договоры и присоединяться к ним. Причем в первом международном договоре, заключенном Святым Престолом в новейшей истории — Договоре между Святым Престолом и Италией 1929 г. (Латеранском договоре) [19], суверенитет Святого Престола подтвержден специально. Дальнейшая практическая реализация Святым Престолом своей договорной правоспособности подтверждает, что международные договоры могут заключать не только государства.

Святой Престол является участником многих многосторонних международных договоров, в том числе Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., Венской

конвенции о праве международных договоров 1969 г., Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г., Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним, Конвенции 1951 г. о статусе беженцев, Конвенции 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, Конвенции 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и многих других [6].

Кроме того, Святой Престол как верховный орган РКЦ заключает особый вид договора — конкордат, являющийся соглашением между РКЦ и светской властью определенного государства о статусе первой на территории последнего. В конкордатах оговариваются, прежде всего, вопросы отбора кандидатов и назначения епископов в национальном Костеле, его религиозных и экономических свобод, присутствия РКЦ в национальной системе образования, а также в целом вопросы брака, семейной политики, свободы совести [7, р. 326; 12, р. 577—581]. Список стран, с которыми Святой Престол заключил действующие конкордаты или особые соглашения, в настоящее время насчитывает 49 государств [3].

Юридическая природа конкордатов, известных с XII в. [12, р. 571], иногда ставится под сомнение правоведами, однако большинство авторов склонны считать их международными договорами. Так, по мнению Дж. Кунца, конкордат обладает всеми характеристиками международного договора. Конкордат заключается на основе полного равенства сторон, при этом договаривающееся государство не обязательно должно быть традиционно католическим [13, р. 310]. Конкордаты заключаются по итогам переговоров путем подписания. Они подлежат ратификации, их положения становятся обязательными после включения во внутреннее законодательство сторон. Изменение положений конкордата возможно только с обоюдного согласия.

Как и государства, Святой Престол обладает активным и пассивным правом посольства (легии).

Венский регламент 1815 г. закрепил за папскими дипломатическими агентами статус послов по общему международному праву. Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. (ВКДС) подтвердила этот статус (ст. 14).

Однако внесение данных норм в формальный международный договор было всего лишь констатацией существующего международного обычая, поскольку уже в IV в. Святой Престол, в силу своего духовного авторитета, приобрел право направлять и принимать послов независимо от светских властителей [15, р. 743].

Порядок назначения послов Святого Престола (или иначе — папских легатов, личных представителей Папы Римского) регулируется ККП [2, р. 169—172].

Право направлять папских легатов принадлежит Папе Римскому (Канон 362 ККП). Папские легаты за рубежом представляют Святой Пре-

стол в лице Папы Римского и действуют от его имени (Канон 363 ККП). При этом отмечаются особые функции папских легатов как посредников между Папой Римским и принимающей стороной, содержание которых зависит от того, к церкви, государству или гражданским властям направляется тот или иной представитель Святого Престола (Каноны 363—365 ККП).

Послы Папы Римского в силу своей особой миссии помимо дипломатических иммунитетов и привилегий, предоставленных им в соответствии с нормами международного права, имеют некоторые церковные привилегии, в частности они не подчиняются власти местного епископа (Канон 366 ККП).

Дипломатические классы для папских представителей определены ВКДС (ст. 14): нунций (1-й класс), интернунций (2-й класс), поверенный в делах (3-й класс).

ККП не определяют ранги (или их аналоги) папских легатов. Однако в папском рескрипте *motu proprio Sollicitudo Omnium Ecclesiarum* 1969 г. отдельные категории легатов все-таки были выделены. Так, в документе упоминаются нунции, пронунции, интернунции, апостольские делегаты (визитаторы), регенты, поверенные в делах, временные поверенные в делах, делегаты и наблюдатели. Особой категорией легатов являются также кардиналы, которые могут выполнять функции послов Святого Престола по особым поручениям [15, р. 748—749].

В некоторых странах сохранилась традиция, согласно которой папский нунций является дуайеном дипломатического корпуса, что служит дополнительным свидетельством глубоких исторических, культурных и политических связей Святого Престола с внешним миром. Закрепление статуса дуайена за представителем Святого Престола является древним обычаем, подтвержденным в ВКДС (ст. 16). В Европе таких государств 16: Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Ирландия, Испания, Италия, Литва, Люксембург, Мальта, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Франция, Чехия [15, р. 749]. При этом следует согласиться с Дж. Кунцем, который отмечает, что данная традиция возникла и сохранилась до сих пор не из-за политического веса «территориального воплощения» Святого Престола, тогда — Папской области, а ввиду его высшего духовного суверенитета [13, р. 311].

Прерогатива поддерживать сношения с внешним миром принадлежит Государственному секретариату Святого Престола. Государства мира, в свою очередь, поддерживают дипломатические отношения со Святым Престолом: международные дипломаты аккредитуются у Святого Престола, а папские нунции представляют за рубежом именно Святой Престол.

В этой связи будет уместно подчеркнуть, что в период с 1870 по 1929 г., когда Святой Престол не имел никакого номинального подтверждения своей государственности, он продолжал устанавливать дипломатические отношения с други-

ми странами: к 1930 г. Святой Престол имел своих представителей примерно в 40 государствах [18, р. 212]; при Святом Престоле были аккредитованы послы порядка 30 стран, причем не только традиционно католических, но и протестантских — Великобритания, Германия, Голландия, Швейцария; православных — Болгария, Греция, Россия, Румыния, Черногория, Югославия [13, р. 311—312].

На сегодняшний день Святой Престол подерживает дипломатические отношения с 178 государствами мира, в том числе — с Республикой Беларусь [10].

Святой Престол может вступать в международные организации и является полноправным членом некоторых из них.

Святой Престол — член международного сообщества, чья власть имеет религиозное, а не политическое происхождение, — единственный в своем роде обладает в ООН статусом постоянного наблюдателя. Первую миссию в ООН Святой Престол направил 21 марта 1964 г. Статус постоянного представителя в этой организации Святому Престолу был предоставлен 6 апреля 1964 г. [5, р. 1836, 1842].

Полномочия Святого Престола как постоянного наблюдателя определены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 58/314, принятой 16 июля 2004 г. [4]. Основное отличие статуса постоянного наблюдателя от полноправного членства заключается в отсутствии у наблюдателя права голоса на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН. Вместе с тем, Святому Престолу предоставлено право выступать на ее сессиях, что можно считать особой привилегией, так как главам государств, не являющихся членами ООН, как правило, право выступления перед Генеральной Ассамблеей не предоставляется.

Святой Престол является членом различных вспомогательных органов ООН. В рамках мандата он активно участвует в работе Генеральной Ассамблеи и конференций ООН, присутствует на заседаниях специализированных учреждений ООН, избирается в выборные органы Организации [7, р. 320]. При этом, как отмечают дипломаты, наибольшим влиянием и эффективностью отличается неформальная, кулуарная деятельность представителей Святого Престола [23].

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать, что на основании духовного суверенитета, статуса лидера христианского мира и религиозного авторитета Святой Престол приобрел международную правосубъектность прежде, чем любое современное государство.

Святой Престол, чей суверенитет не обусловлен государственностью, существует независимо от любых государственных или государственно-подобных манифестаций. Власть и полномочия Верховного Понтифика никогда не обуславливались светскими (территориальными) владениями Святого Престола [23, р. 603]. Как отмечают Р. Аройо и Дж. Лукал, по общему признанию международная правосубъектность Святого

Престола возникает из его религиозного авторитета и духовной миссии в мире, а не из политического влияния или претензий на территориальные владения [7, р. 320].

Светское выражение суверенитета Святого Престола в форме наличия определенной территории, населения и формальной организации власти, т. е. того, что сегодня принято считать государством, сложилось исторически и является, по-видимому, результатом эволюционной

предопределенности, поскольку, как считалось (и считается до сих пор), именно территориальный суверенитет является наиболее надежной гарантией независимости как для национальных государств, так и для Святого Престола. Разница в том, что для современных национальных государств независимость определяется степенью защиты суверенитета народа, а для Святого Престола — степенью защиты духовного суверенитета Римско-католической церкви.

Литература

1. Дьяченко, С. В. К вопросу о международной правосубъектности Святого престола / С. В. Дьяченко // Москов. журн. междунар. права. — 2006. — № 3 (63). — С. 4–16.
2. Кодекс канонического права. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — 624 с.
3. Соглашения между Святым Престолом и Международным Сообществом [Электронный ресурс] // Официальный сайт Апостольской нунциатуры в Республике Беларусь. — Режим доступа: <<http://nunciature.catholic.by/ru/mizhn-supolnasc/pahadnienni-supolnasc.html>>. — Дата доступа: 01.06.2011.
4. Участие Святейшего Престола в работе ООН: док. ООН A/RES/58/314 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/58/314>>. — Дата доступа: 01.05.2011.
5. Abdullah, Y. Note, The Holy See at United Nations Conferences: State or Church? / Y. Abdullah // Columbia University Law Review. — 1996. — Vol. 96, N 7. — P. 1835–1875.
6. Adherence to International Conventions [Electronic resource] // Vatican City State Official Website. — Mode of access: <http://www.vaticanstate.va/EN/State_and_Government/Internationalrelations/Adherence_to_International_Conventions.htm>. — Date of access: 14.07.2011.
7. Araujo, R. J. A Forerunner for International Organizations: The Holy See and the Community of Christendom: With Special Emphasis on the Medieval Papacy / R. J. Araujo, J. A. Lucal // Journal of Law and Religion. — 2004–2005. — Vol. 20, N 2. — P. 305–350.
8. Araujo, R. J. The International Personality and Sovereignty of the Holy See / R. J. Araujo // Catholic University Law Review. — 2001. — N 50. — P. 291–360.
9. Aroney, N. Subsidiarity, Federalism and the Best Constitution: Thomas Aquinas on City, Province and Empire / N. Aroney // Law and Philosophy. — 2007. — N 26. — P. 161–228.
10. Bilateral Relations of the Holy See [Electronic resource] // The Holy See Official Website. — Mode of access: <http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/documents/rc_seg-st_20010123_holy-see-relations_en.html>. — Date of access: 14.07.2011.
11. Dias, N. Roman Catholic Church and International Law / N. Dias // Sri Lanka Law Journal. — 2001. — N 13. — P. 107–136.
12. Géraud, A. The Lateran Treaties: A Step in Vatican Policy / A. Géraud // Foreign Affairs. — 1929. — Vol. 7, N 4. — P. 571–584.
13. Kunz, J. L. The Status of the Holy See in International Law / J. L. Kunz // The American Journal of International Law. — 1952. — Vol. 46, N 2. — P. 308–314.
14. Kurth, J. The Vatican's Foreign Policy [Electronic resource] // The National Interest. — 1993. — Summer. — Mode of access: <http://findarticles.com/p/articles/mi_m2751/is_n32/ai_14182710>. — Date of access: 21.05.2011.
15. Martens, K. The Position of the Holy See and Vatican City State in International Relations / K. Martens // University of Detroit Mercy Law Review. — 2006. — N 83. — P. 729–760.
16. Murphy, F. X. Vatican Politics: Structure and Function / F. X. Murphy // World Politics. — 1974. — Vol. 26, N 4. — P. 542–559.
17. Ragazzi, M. Concordats Today: From the Second Vatican Council to John Paul II / M. Ragazzi // Journal of Markets & Morality. — 2009. — Vol. 12, N1. — P. 113–151.
18. Sturzo, L. The Vatican's Position in Europe / L. Sturzo // Foreign Affairs. — 1945. — Vol. 23, N 2. — P. 211–221.
19. Treaty between the Vatican and Italy // The American Journal of International Law. — 1929. — Vol. 23, N 3. — P. 187–195.
20. Vallier, I. The Roman Catholic Church: A Transnational Actor / I. Vallier // International Organization. — 1971. — Vol. 25, N 3. — P. 479–502.
21. Viewing Cable 09USUNNEWYORK1141 [Electronic resource] // WikiLeaks. — Mode of access: <<http://www.wikileaks.ch/cable/2009/12/09USUNNEWYORK1141.html>>. — Date of access: 14.07.2011.
22. Viewing Cable 10VATICAN33 [Electronic resource] // WikiLeaks. — Mode of access: <<http://www.wikileaks.ch/cable/2010/02/10VATICAN33.html>>. — Date of access: 14.07.2011.
23. Whiteley, J. G. The International Position of the Pope / J. G. Whiteley // The North American Review. — 1903. — Vol. 177, N 563. — P. 601–606.

«Суверенитет и международная правосубъектность Святого Престола» (Павел Лычковский)

Цель статьи: на основе изучения международных соглашений, свода канонического права Римско-католической церкви, документов Святого Престола, западной правовой доктрины определить природу суверенитета Святого Престола, выявить специфику и объем его правосубъектности.

При определении круга субъектов международного права и объема их правосубъектности ключевой является концепция суверенитета. На современном этапе развития международного права правовая доктрина трактует суверенитет как неотъемлемое свойство национальных государств. Зачастую из этого делается общий вывод о том, что только национальные государства являются полноправными субъектами международного права.

История Святого Престола, верховного органа Римско-католической церкви и старейшего суверенного субъекта международного права, свидетельствует об обратном.

Святой Престол, не будучи государством, обладает полной правосубъектностью. В отличие от современных государств, т. е. национальных государств, чья международная правосубъектность основана на территориальном суверенитете, Святой Престол обладает духовным суверенитетом, что обуславливает уникальность его международного статуса.

«Sovereignty and International Legal Personality of the Holy See» (Paul Lychkouski)

The article aims to determine the nature of the sovereignty of the Holy See and define the scope and particulars of its legal personality. The findings provided in the article are based on the analysis of international treaties, Canon law of the Roman Catholic Church, the official documents of the Holy See, and the Western legal doctrine.

Sovereignty is the key concept used to determine the range of subjects of international law and, respectively, the scope of their legal personality. Modern legal doctrine interprets sovereignty as an inherent characteristic of a nation-state. Accordingly, it is often stated, nation-states are the only subjects of international law that enjoy full legal personality. However, the history of the Holy See, the universal government of the Roman Catholic Church and the oldest sovereign subject of international law, suggests otherwise.

The Holy See enjoys full legal personality without being a state. Unlike modern states, i.e. nation-states, whose legal personality is founded on territorial sovereignty, the Holy See claims sovereignty of a spiritual nature thus acquiring a unique international status.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2011 г.